

Научная статья

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39

ВЕРБАЛЬНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКОЙ АГРЕССИИ: РАЗЛИЧИЯ В ТРАКТОВКАХ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Карабулатова И. С.^{1,2,3,4}, Чжан Л.⁴

¹ Хэйлунцзянский университет, 150080, г. Харбин, район Наньган, ул. Сюэфулу, д. 74, Китайская Народная Республика

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

³ Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 105005, г. Москва, ул. 2-ая Бауманская, д. 5, стр. 1, Российская Федерация

⁴ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация; e-mail: radogost2000@mail.ru

Поступила в редакцию 15.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Аннотация

Цель статьи – рассмотреть феномен вербальной дискриминации через призму речеповеденческой агрессии в мировоззренческих традициях Востока и Запада, что обусловлено противоречиями в понимании агрессии в разных этнокультурах.

Процедура и методы. Неопределённость статуса агрессии позволила использовать синергетический подход к анализу этого феномена с учётом построения параметрической архитектуры, включающей в себя блоки, относящиеся к разным областям знания об агрессии.

Результаты. Авторы обобщили существующие подходы и представили триггеры разночтений агрессии в лингвокультурах Востока и Запада, опираясь на понимание вербальной дискриминации как неотъемлемой части агрессивных речеповеденческих практик. Выявлено, что репертуар агрессивов как маркеров вербальной дискриминации достаточно разнообразен как в России, так и в Китае, в том числе имеются различия в понимании содержания агрессии.

Теоретическая значимость обусловлена обнаружением разночтений и различий в трактовках самого понятия «агрессия» в медиапространстве России и Китая с позиций синергетического подхода, что позволило выявить новый угол зрения на проблему публичных дебатов, а также заявить о необходимости разработки новых методов оценки фактов вербальной дискриминации и агрессии.

Ключевые слова: агрессия, агрессив, вербальная дискриминация, параметризация

Для цитирования:

Карабулатова И. С., Чжан Л. Вербальная дискриминация в медиапространстве как отражение осмысления речеповеденческой агрессии: различия в трактовках Востока и Запада // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 2. С. 18–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-2-18-39>

Original research article

VERBAL DISCRIMINATION IN THE MEDIA SPACE AS A REFLECTION OF UNDERSTANDING OF SPEECH AND BEHAVIORAL AGGRESSION: DIFFERENCES IN INTERPRETATIONS OF EAST AND WEST

I. Karabulatova^{1,2,3,4}, L. Zhang⁴

¹ Heilongjiang University, 74 Xuefulu Street, Harbin 150080, Nangang District, People's Republic of People's Republic of China

² Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

³ Bauman Moscow State Technical University, Vtoraya Baumanskaya ulitsa 5 build. 1, Moscow 105005, Russian Federation

⁴ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, ulitsa Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation; e-mail: radogost2000@mail.ru

Received by the editorial office 15.02.2024

Accepted for publication 26.02.2024

Abstract

Aim. To consider the phenomenon of verbal discrimination through the prism of speech and behavioral aggression in the ideological traditions of the East and West, which is due to contradictions in the understanding of aggression in different ethnic cultures.

Methodology. The uncertainty of the status of aggression made it possible to use a synergetic approach to the analysis of this phenomenon, taking into account the construction of parametric architecture that includes blocks related to different areas of knowledge about aggression.

Results. The authors summarized the existing approaches and presented the triggers of different interpretations of aggression in the linguistic cultures of the East and West, based on the understanding of verbal discrimination as an integral part of aggressive speech and behavioral practices. It is revealed that the repertoire of aggressors as markers of verbal discrimination is quite diverse both in Russia and in China, revealing differences in understanding the content of aggression.

Research implications. The theoretical significance is due to the discovery of discrepancies and differences in interpretations of the very concept of "aggression" in the media space of Russia and China from the standpoint of a synergetic approach, which allowed us to identify a new angle of view on the problem of public debate, as well as to state the need to develop new methods for assessing the facts of verbal discrimination and aggression.

Keywords: aggression, aggressiveness, verbal discrimination, parameterization

For citation:

Karabulatova, I. S. & Zhang, L. (2024). Verbal discrimination in the media space as a reflection of understanding of speech and behavioral aggression: differences in interpretations of East and West. In: *Keys of Contemporary Linguistics*, 2, pp. 18–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-2-18-39>

Введение

Перенос большей части коммуникации в интернет в ситуации нагнетания информационного противостояния с отсутствием границ цифровых суверенитетов заставляет тщательнее анализировать

проблемное поле агрессии в Сети, потому что энтропийные процессы в современном обществе усиливают поликодовую экспансию экспрессивного выражения разнообразных эмотивных состояний как у продуцента, так и у реципиента,

эмотивных оценок того или иного факта/события. Несмотря на то, что в правовом законодательстве РФ агрессия рассматривается как публичное проявление экстремизма, терроризма, нестандартности полоролевых отношений, сами границы агрессии размыты и чётко не определены, что создаёт сложности как юридического, так и социально-этического характера (УК РФ, ст. 282). Аналогичные статьи есть и в правовом законодательстве КНР, что подчёркивает важность рассмотрения данного вопроса.

Актуальность анализа агрессии в медиапространстве не вызывает сомнений, поскольку позволяет понять точки информационной напряжённости в противостоянии геополитических игроков в современной нейролингвокогнитивной информационной войне, смоделировать динамику роста/спада напряжённой обстановки вследствие смены цивилизационных парадигм под влиянием четвёртой промышленной революции, выступлений неолуддитов и представителей различных асоциальных девиантных групп.

Самое первое отличие в понимании толкования объёма понятия «агрессия» заключается в том, что китайские исследователи вместо понятия «агрессия» используют термин *вербальной дискриминации*, который был введён совсем недавно [1]. Вербальная дискриминация подразумевает механизм оценки направленного негативизирующего воздействия на реципиента, что перекликается с понятием вербальной агрессии, но, по нашему мнению, является не совсем корректным определением к пониманию частного и общего.

Побуждение к речеповеденческой агрессии и асоциальным девиациям, оказывая разрушающее воздействие на потенциального реципиента, является одной из главных целей современной нейролингвокогнитивной информационной войны. Вместе с тем признание того, что агрессия является одной из базовых эмоций любого живого организма,

понимание, объём и оценки агрессии в российском, китайском и западноевропейском социумах обнаруживают существенные разночтения вследствие различий в этнокультурных кодах [2; 3; 4].

В результате медиапространство оперирует противоречивыми результатами в оценивании действий представителей другой этнолингвокультуры и/или расы [5; 6; 7; 8] в аспекте верификации потенциально опасного контента [9].

Так, в большинстве случаев теоретическое моделирование речеповеденческой агрессии идёт через призму социально-психологической стигмы, где во главе угла стереотипно ставится животное начало с ограничением негативных последствий индивидуальными особенностями отдельных личностей, либо экстраординарными событиями [10; 11].

Безусловно, агрессия (от лат. *aggredi* – нападать) является одним из базовых феноменов развития любого живого организма на разных этапах: биологическом, психофизиологическом, социально-правовом, историко-политическом, лингвокультурологическом, философско-нравственном и т. п. И эта сложность вызывает замешательство из-за необходимости учёта огромного количества параметров для определения наличия / отсутствия агрессии как патологии, или как фактора роста / взросления / перехода на новую ступень развития. Исходя из этого, ступенчатый характер генезиса агрессии представляется нам как некий сложный модуль в виде пирамиды генезиса агрессии, которая может «зонтично» раскрываться в других дополнительных графах, примыкающих к отдельным граням пирамиды (рис. 1).

Экологичность взаимодействия человека и природы в китайском обществе предопределила понимание феномена агрессии посредством аналогии с циклами смены сезонов в природе, что позволило относиться к агрессии без предубеждения, свойственного западному миру [12]. Эта позиция хорошо

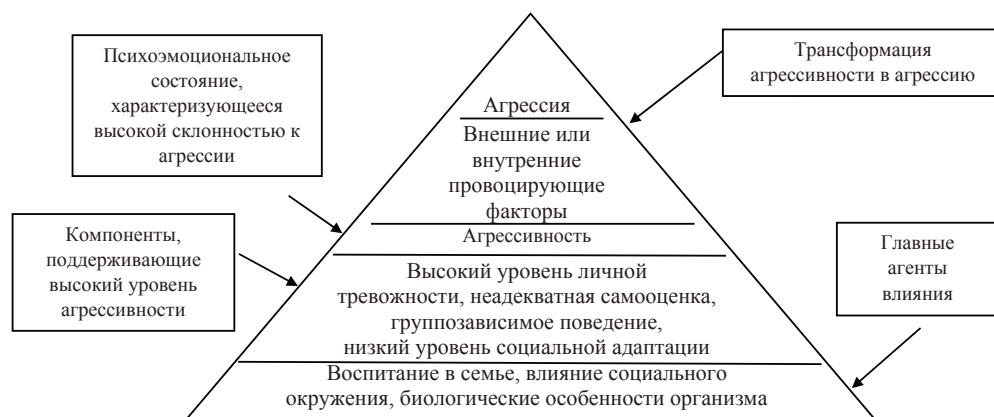

Рис. 1 / Fig. 1. Пирамида генезиса проявления агрессии / Pyramid of the genesis of aggression

Источник: составлено авторами.

объяснена в таких значимых древнекитайских философских трактатах, как «И Цзин» / «Книга Перемен» и «Трактат о Внутреннем» (приписываемом Хуанди), с акцентированием внимания на необходимости обновления и его цикличности в природе и жизни в контексте постоянной трансформации Вселенной как огромного живого организма. Китайская лингвокультура исходит из констатации агрессии как врождённой и неотъемлемой характеристики человека, в которой отражается механизм взаимодействия базовых сил Зла и/или Добра, реализующихся через энергетические потоки Инь и Ян [13]. Соответственно любой дисбаланс, возникающий при конфликте потоков энергии, отражает точку катарсиса, или информационной напряжённости, благодаря которой открываются вероятностные пути развития ситуации, что может быть представлено посредством вероятностного математического прогнозирования с опорой на нечёткую логику.

Прессинг современной нейролингвокогнитивной информационной войны актуализировал разнообразные исследования феномена вербальной дискриминации в контексте преодоления её разрушительного действия на психику реципиентов, поиска сглаживания различных конфликтов и попыток обнару-

жения созидательной силы трансформации личности в условиях перепроверки значимости этнокультурных маркеров в ценностном коде для конкретного социума в конкретном отрезке времени [14; 15; 16; 17]. В связи с этим автоматическое выявление прямых агрессивов, безусловных провокативов, однозначных деструктивов становится первоочередной задачей цифрового профайлинга пользователей сети Интернет с определением агрессивной доминанты в личностной характеристике как потенциальной опасности [18].

Следует отметить, что лишь в XXI в. вербальная агрессия в публичном пространстве получила должную оценку и осмысление с проведением ранжирования степени проявления (*насмешка, угроза, оскорбление, травля, моббинг, газлайтинг, буллинг, хейтинг, гостинг* и т. д.), потому что само общение стало в большей степени медиаориентированным под влиянием приоритета Сети. Таким образом, вербальная дискриминация стала одной из доминирующих коммуникативных стратегий, направленных на замещение физического агрессивного действия словом. Эти и другие феномены стали неотъемлемой частью анализа в интернет-лингвистике [19].

Первоначально агрессия подразумевала под собой проявление некоторого

специфически обусловленного типа физической активности (действие, поведение, воздействие), вследствие чего отдельные формы агрессии (наступление, вторжение, атака, удар, сопротивление, нападение) стали интерпретироваться как некие специфические виды активности, которые могут оцениваться положительно в обществе (типа: *спортивная злость*). Закономерно видеть в агрессии своеобразное состояние психики в позиции характеристики свойств личности, особенностей коммуникации с людьми и окружающим миром, проявлений индивидуальных особенностей темперамента в тесной связке с вербализацией этих качеств [15].

Каждый элемент агрессии типологизирован с указанием физических, психологических и вербальных параметров. Так, применение физического насилия и/или других действий, направленных на демонстрацию собственного превосходства и подавления противника, как правило, соотносится с соответствующими речеповеденческими характеристиками. Анализ взаимодействия слова и действия в условиях агрессии обнаруживает корреляцию на каждом этапе проявления, что схематично можно привести в виде таблицы (см. табл. 1). Степень агрессивных проявлений на каждом этапе определяется благодаря включённости того или иного элемента агрессии как некоего типологического маркера, что наглядно видно из примеров табл. 1.

Интернет-лингвистика, ставя во главу угла анализ коммуникации в виртуальном пространстве, актуализирует обеспечение нормированного общения [20; 21], поэтому Россия и Китай поставили задачу маркирования цифровых границ государства и его цифровой безопасности, выявляя провокативы в интернет-пространстве как маркеры вербальной дискриминации, защищая собственную безопасность, предупреждая разрушительное воздействие негативного контента на ментальное здоровье своих граждан в условиях нейролингвокогнитивной

информационной войны на геополитической оси «Восток – Запад». В связи с этим правительство КНР приняло решение в декабре 2022 г. о необходимости предварительной модерации всех комментариев к любому контенту в социальных сетях без какого-либо исключения, с последующим объявлением норм поведения в интернете в январе 2023 г. с целью предотвращения негативного воздействия потенциально опасного контента на основе использования цифровых технологий¹. Эти правила направлены на усиление «Золотого щита» / «Великого китайского файрвола», специальной программы по информационной и кибербезопасности Китая, которая была разработана в 2014 г. и на сегодняшний день признана одной из самых эффективных систем защиты в мире².

В тоже время российская система «Вепрь»³ призвана выявлять и блокировать опасный контент, при этом публикации, которые содержат провокативы речеповеденческой агрессии, обозначаются как *инфобомба*⁴. Инфобомба является мощной формой выражения агрессии в интернете, задаёт вектор в проявлении негативной оценки к излагаемым собы-

¹ Юро Инь. Китайское правительство будет регулировать технологию дипфейков [Электронный ресурс] // Наблюдатель за правосудием Китая: [сайт]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/chinese-government-to-regulate-deepfake-technology> (дата обращения: 26.01.2024).

² Евтушенко А., Тодоров В. У стен есть уши. Кто создал самую мощную интернет-цензуру в мире [Электронный ресурс] // Лента.Ру: [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2017/09/18/shield_pt1/ (дата обращения: 26.01.2024).

³ В России готовят к запуску систему «Вепрь» для обезвреживания инфобомб в интернете [Электронный ресурс] // iXBT.com: [сайт]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2023/02/20/v-rossii-gotovjat-k-zapusku-sistemu-vepr-dlja-obezvrezhivaniya-info-bomb-v-internete.html> (дата обращения: 26.01.2024).

⁴ Киберзапугивание (кибербуллинг, киберсталкинг). 2023: Китай вводит уголовную ответственность за травлю в интернете [Электронный ресурс] // Tadviser: [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Киберзапугивание_%28кибербуллинг%2C_киберсталкинг%29 (дата обращения: 26.01.2024).

Таблица 1 / Table 1

Типологические маркеры физической и вербальной агрессии / Typological markers of physical and verbal aggression

Тип агрессии	Характер агрессии	Примеры
Физический	Активный: прямая агрессия	Применение грубой физической силы к другому человеку / группе людей с причинением повреждений тела. Реализуется через рукоприкладство (побои), причинение ударов холодным оружием (ножевое ранение), повреждение при помощи огнестрельного оружия (ранение) (см. публикации о различных бытовых и иных правонарушениях, а также противостоянии в условиях СВО с применением боевого оружия и т. п.).
Физический	Активный: непрямая агрессия	Агрессия «чужими руками» с помощью обходных путей, наёмных исполнителей для подавления / уничтожения субъекта (см. публикации о теракте в ТРЦ «Crocus City Hall»).
Физический	Пассивный: прямая агрессия	Саботаж и игнорирование как реализация желания отказа в предоставлении возможности другому человеку в достижении значимой цели (см. публикации об отписках и нежелании официальных властей заниматься решением проблем).
Физический	Пассивный: прямая агрессия	Аврал на работе и бюрократическая волокита как способы скрытой прямой агрессии с целью отклонения от исполнения задач: отказ произвести необходимые работы согласно намеченным срокам, создание дополнительных уничтожительных и/или иных условий, намеренно затягивающих решение вопроса (см. публикации о нарушениях прохождения освидетельствования инвалидов комиссиями МСЭ; о нарушениях прав ветеранов СВО и членов их семей и т. п.).
Вербальный	Активный: прямая агрессия	Ярко выраженная вербальная агрессия через формы публичного унижения, критики, оскорблений, буллинга, хейта (см. публикации о данных формах агрессии в школах, армии и т. д.).
Вербальный	Активный: непрямая агрессия	Активная агрессия «чужими руками» с использованием традиционных способов и технологий искусственного интеллекта (чат-ботов) для распространения злостной клеветы, сплетен, кибербуллинга против оппонента и/или противника (см. публикации о гендере Брижит Макрон, «болезнях» В. В. Путина и т. д.)
Вербальный	Пассивный: прямая агрессия	Отказ говорить с иным человеком, давать ответы на вопросы, дегуманизация виктимного объекта (см. публикации о нарушениях в отношении пенсионеров, сирот, инвалидов и других социально незащищённых групп населения; о запрете каких-либо форм взаимодействия западных стран с Россией и т. п.).
Вербальный	Пассивный: непрямая агрессия	Несогласие давать конкретные вербальные объяснения, разъяснения (см. публикации о халатном отношении чиновников, врачей по отношению к той или иной категории граждан)

Источник: составлено авторами

тиям, выступая в качестве триггера для актуализации речеповеденческой агрессии в обществе, в связи с чем возникает опасность массовой физической агрессии толпы.

Мы полагаем, что инфобомба, инициируя психическую травму у реципиента, дестабилизирует лингвокогнитивные связи в его картине мира, открывая доступ к воздействию «окна Овертона». Исходя из этого, инфобомба имеет широкий охват психического поражения, поскольку шок-контент запускает вербальную дискриминацию по разнообразным точкам информационной напряжённости.

Когда мы говорим о реализации речеповеденческой агрессии в медиапространстве, так или иначе признаём прямую зависимость агрессии от социальных условий и этнокультурного бэкграунда [14; 22], несмотря на приоритет нейропсихологических причин в проявлении агрессивности [2; 23]. Конфуцианский принцип следования «золотой середине» в Китае стал гармонизирующим мерилом для выработки правил регулирования в медиапространстве, в связи с чем 13.06.2023 КНР объявил о введении уголовной ответственности за организацию и реализацию *интернет-травли* как «деяний, связанных с клеветой, оскорблениями, нарушением личной жизни и порчей репутации граждан, которые вызывают серьёзный вред для общества. Пострадавшие от кибербуллинга страдают из-за возникших проблем с психикой, а некоторые из них доводят себя до лишения жизни». В отличие от законодательства России в Китае предписаны всеобъемлющая поддержка пострадавшим в сборе доказательств со стороны правоохранительных органов¹.

¹ Киберзапугивание (кибербуллинг, киберсталкинг). 2023: Китай вводит уголовную ответственность за травлю в интернете [Электронный ресурс] // Tadviser : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Киберзапугивание_%28кибербуллинг%2C_киберсталкинг%29 (дата обращения: 26.01.2024).

Встречающаяся повсеместно бытовая агрессия, по аргументированному мнению специалистов, негативно влияет на субъект виктимизации с пролонгацией воздействия на психику реципиента вследствие перемещения в медиапространство [24; 25], что по-разному оценивается в странах Востока и Запада.

Материалы и методы

Исследовательским материалом выступили новостные статьи, опубликованные в таких медийных источниках России и Китая, как «Российская газета» (2021–2024), «Известия» (2021–2024), Baijiahao (2020–2024), CanNews (2018–2024), Jiemian (2018–2024) и др. Собранный датасет составил свыше 300 новостных публикаций из сплошной выборки. Сложность объекта исследования предопределила использование синергетического подхода, в котором комплексно использовались следующие методы: систематизация, обобщение и описание, дискурсивный анализ, сравнение, лингвориторический анализ, контент-анализ. Эти методы были коррелированы с лингвометодологией, принятой в медиалингвистике и медиапсихологии, психолингвистике и этнокультурологии с целью выявления степени интерпретации и пост-интерпретации с последующим составлением маркеров агрессии в медиапространстве России и Китая.

Результаты и дискуссия

Агрессия и агрессивность давно представляют интерес для фундаментальных и прикладных исследований, в связи с чем нами была разработана внешняя верхнеуровневая архитектура представления вербальной дискриминации как проявления агрессивности человека в научном осмыслении (см. рис. 2).

Верхний уровень представленной архитектуры вербальной дискриминации указывает на сложный характер реализации данного феномена, что проявляется в возможности реконструкции иерархии

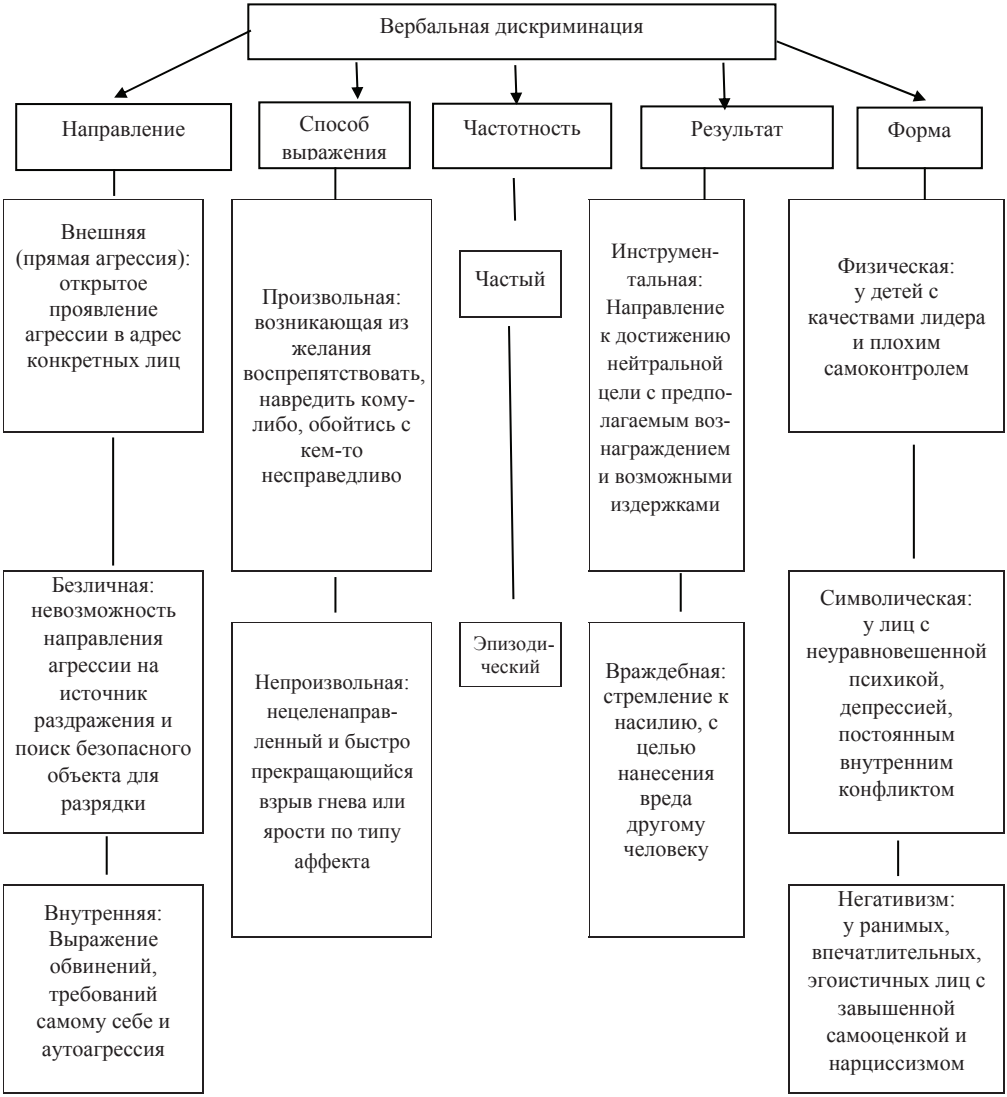

Рис. 2 / Fig. 2. Верхнеуровневая архитектура вербальной дискриминации в аспекте взаимодействия действия и слова / The upper-level architecture of verbal discrimination in the aspect of interaction between action and word

Источник: составлено авторами.

блоков с последующим их «распаковыванием» на нижних уровнях и установлением вероятностей многопорядковой межкомпонентной связанности (рис. 2). При этом каждый блок иерархии обладает своей онтологией вербальных, социальных, психологических и физиологических маркеров.

Такое сложное поликодовое представление агрессивного контента в медиaproстранстве преследует своей целью формирование и поддержку ярко выраженного эмоционально-оценочного мнения у реципиентов с последующей трансформацией понимания норм цифровой гигиены, что позволяет предположить

наличие поступательной программы по управлению обществом с помощью нейропсихолингвистического цифрового инструментария, в основе которого лежит понимание работы манипулятивного механизма с этнолингвокультурной доминантой.

Сама архитектура маркеров вербальной дискриминации, на наш взгляд, представляет собой сложноорганизованную поликомпонентную систему с верификацией эмотивов и соответствующих им эмоций в медиатексте, что позволяет определить векторы управления эмотивного состояния реципиента медиаконтента (рис. 3).

Атрибуция генезиса агрессии позволила выделить основные кластеры причин агрессии, а именно: биологические, психологические, социальные, социокультурные, собственно коммуникативные. Как указывает Ю. В. Щербинина в своей работе «Речевая агрессия и пути

ее преодоления» [26], эти кластеры, как правило, взаимосвязаны, оказывая друг на друга значительное влияние, создавая таким образом созависимый круг воспроизводимой токсичности в речеведческой матрице человека на уровне регулятивного управления негативными эмоциями. Данное предположение подтверждается на эмпирическом материале в различных этносоциокультурных группах в разных странах мира [27; 28]. При этом сам феномен вербально-невербальной агрессии в медиапространстве является цифровым двойником реального физического насилия с содержащейся импликацией потенциальной опасности для людей через инструменты массмедиа [19; 20; 27].

Между тем, тематическое разнообразие кризисных ситуаций становится основой для развлекательно-обучающих программ в формате реалити-шоу типа: «Суд присяжных», «Суд идет», «Дела се-

Рис. 3 / Fig. 3. Архитектура вербальной дискриминации в медиапространстве как отражение управления агрессией реципиента массмедиа / The architecture of verbal discrimination in the media space as a reflection of the aggression management of the recipient of the mass media

Источник: составлено авторами.

мейные», «Дела судебные», «Давай разведемся», «Федеральный судья», «The People's Court» (США), «Strafgericht» (Германия) и т. п. Такие программы либо моделируют типичные агрессивные ситуации, либо реконструируют наиболее значимые преступления, чётко регламентируют причины речеповеденческой агрессии, верифицируют агрессивные и виктимные характеристики участников процесса, определяют приемлемые коммуникативные стратегии в агрессивной ситуации, что позволяет нам их классифицировать как развлекательно-обучающие программы [28; 29].

Мы полагаем, что само наличие кризисной ситуации предопределяет структуру, характер, интенсивность проявления вербальной дискриминации. В связи с этим каждая кризисная ситуация, переживаемая индивидуумом ярко, глубоко, оценочно, трансформирует у него восприятие реальности происходящего в сторону акцентуации на эмотивных

состояниях недовольства, гнева, что становится базисом для появления агрессии и аутоагрессии. Схематично типологизация кризисных ситуаций, провоцирующих агрессию и вербальную дискриминацию может быть представлена в виде более сложных блоков, требующих также составления дополнительных блок-схем (см. рис. 4).

Кризисные ситуации как провокаты вербальной дискриминации обладают большим разнообразием реализации в виду вариативности психоэмоциональных переживаний индивидуума в связи с разрушением личностных границ как в социуме, так и внутри собственного личностного мифа, поиском новых точек опоры в изменившихся условиях реальности (рис. 4). Так, большой массив агрессивного контента в медиапространстве появился из-за релокации вследствие санкций и СВО, при этом экспертная оценка в 1 млн человек включает только людей с «весьма высоким профилем по уров-

Рис. 4 / Fig. 4. Верхнеуровневая архитектура кризисных ситуаций как провокативов вербальной дискриминации / The upper-level architecture of crisis situations as provocatives of verbal discrimination

Источник: составлено авторами.

ню доходов и социальному капиталу»¹. Агрессивный провокатив «вынужденная миграция» в медиа источниках и комментариях усиливается дополнительными формами вербальной дискриминацией релокантов в качестве предателей в российском медиапространстве, а в западном медиапространстве – в качестве гражданской принадлежности к России. Практически остаются неисследованными переживания релокантов из-за потери границ собственной этносоциокультурной идентичности, определяемой как тоска по родине, что является, на наш взгляд, красноречивым маркером этносоциолингвокультурного шока, что схоже с теми внутренними переживаниями, которые были характерны для русских эмигрантов после Октябрьской революции [22; 29], так и маркером вербальной дискриминации в дихотомии «свой – чужой» [30]. Например: *«Я уехал из России, потому что обессилел быть похожим на себя, а не этих вот ребят, у которых сапоги надавили на мозги, а они тому и рады, западают на парады. Я уехал из России, мне об этом не просили. Мне об этом навязали, позу выпучив глазами»*²; *«Решила уехать после начала полномасштабной войны с Украиной. Потому что не поддерживаю. И не хочу платить налоги, которые потом пойдут на убийство мирных жителей Украины. Думала недолго. А потом просто собрала вещи в походный рюкзак и отправилась в путь. О Казахстане не знала ничего. Только то, что говорят в России. Но это оказалось полной ерундой»*³.

¹ См.: Масштабы исхода // Полит.Ру : блог на Dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/ZMkb2Dh9vC0uLOe4> (дата обращения: 26.01.2024).

² Я уехал из России // Наум Блик. Официальный сайт. URL: <https://naumbleek.com/teksty/stihi/ya-uekhal-iz-rossii/> (дата обращения: 26.01.2024).

³ Гвалия С. «В Россию я уже точно возвращаться не буду»: как россияне адаптируются в Казахстане [Электронный ресурс] // Караван : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3B62c6/> (дата обращения: 26.01.2024).

Такого рода высказывания в медиапространстве способствовали росту новых ярлыков как маркеров вербальной дискриминации: *возвращенка*⁴; *этодругин*⁵; *чмобик*⁶; *нетвойняшки и мызамирицы*⁷ и т. п., – которые актуализируют, казалось бы, забытые тенденции в русском словообразовании.

Вместе с тем назрела необходимость чёткого структурирования в определении классификационных параметров в маркерах вербальной дискриминации в каждой этносоциокультуре, поскольку существующие дистанции в менталитетах народов могут усугубляться вследствие размытых границ в определении универсальных и раритетных признаков агрессии. Однако специфические коммуникативные установки, предопределяющие отбор и употребление тех или иных языковых средств в условиях дискомфорта и агрессивной среды, характерны не только для каждого этноса, но и внутри каждой социальной группы. Так, например, китайская система воспитания неоднократно обсуждалась в мировом пространстве как чрезмерно агрессивная и давящая, что некорректно отражает понимание ситуации. Высокая конкурент-

⁴ Примечательно, что ранее термин использовался в отношении так называемой возвращенной русской литературы – запрещённой литературы русского зарубежья. Сейчас этот термин используется в отношении граждан, вернувшихся из релокации/миграции – примечание авторов (И. К., Л. Ч.). См.: Чего я полностью лишена в «райском саду» Европы, и от чего получаю удовольствие в «мрачных джунглях» России. Впечатления возвращенки // Жизненные истории с ИБП : блог на Dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/Za4a8LYnlXVuy0Qe> (дата обращения: 26.01.2024).

⁵ Российский этодругин за ноябрь 2023 года, часть первая // Мак Сим : блог на Dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/ZW3NrC09HAuGThgY> (дата обращения: 26.01.2024).

⁶ Кто такие чмобики? [Электронный ресурс] // Простыми словами : [сайт]. URL: <https://proslo.ru/kto-takie-chmobiki/> (дата обращения: 26.01.2024).

⁷ НЕТВОЙНЯШКИ И МЫЗАМИРЦЫ // Культурная война Евгении Карловой : блог на Dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/ZQvW6RIoRBkYR859> (дата обращения: 26.01.2024).

ность в китайском обществе, необходимость быть профессионалом высокого класса в условиях острой конкуренции, выстроенная в течение тысячелетий школа оттачивания тонкого мастерства вынуждает организовывать более жёсткий отбор, а следовательно, более строгие условия формирования личности.

Если для представителей западной цивилизации важным является сделать всё быстро, то в китайской цивилизации первоочередными чертами являются трудолюбие, вдумчивость, усидчивость, методичность и медитативная неспешность, поскольку темп и скорость выполнения поставленной задачи не являются главными, определяющим принципом эффективности выступает достижение результата. Такой подход позволяет выявить потенциал того или иного качества у ребёнка, после чего используется весь арсенал средств для развития таланта у ребёнка.

В результате постоянного давления на детей в семье как на воплощение родительский чаяний в Китае выросло молодое поколение с преобладающим депрессивно-тревожным состоянием, образовав молодёжную субкультуру *санг* как общества Буддоподобия, кит. 佛系/*fóxì* [фоси]¹. Эта субкультура стала выражением протеста против прессинга гонки достижения успеха и бесконечного трудоголизма как формы зависимого поведения от социального поощрения, достижений и успеха в пользу размеренной, спокойной жизни без стресса. Само слово *фоси* возникло в 2014 г. в публикации одного из японских журналов для обозначения нового тренда среди мужчин, вовлечённых лишь в свой собственный внутренний мир, работу, хобби и не желающих вступать в отношения с представителями противоположного пола. Игра смыслов, появляющаяся при переводе

на английский, связана с тем, что *foxi / фоси* обнаруживает некоторую схожесть с выражением *Buddha like* «что будет, то и будет». Достаточно быстро выражение 佛系青年 *Buddha-like youth* «Молодёжь, подобная Будде» стало вирусным, благодаря появлению в одном из известных пабликов WeChat, где этот термин описывал специфику речеповеденческого профиля китайского поколения, рождённого после 1990-х годов, став идеей молодого поколения.

В этом манифесте указывалось, что «сохранение непринуждённого и спокойного отношения к жизни и карьере в условиях растущего социального давления (*keeping a casual and calm mindset towards life and career under mounting social pressure*)» может быть реализовано через обращение к ценностям «буддийской системы», в рамках которой вне зависимости от вашего ответа нет необходимости участвовать в иллюзорной гонке за успехом, нет на самом деле нужды ожесточённо сражаться в стремлении получить выигрыш, потому что внутреннее психоэмоциональное состояние не зависит от игр, навязанных социумом (прекрасно иметь что-то или нет, и нет необходимости к чему-то стремиться или выигрывать)².

Такой поворот дал возможность молодому поколению китайцев снять с себя груз прессинга невысказанных обещаний и невыполненных обязательств, убрать внутреннюю агрессию против родительских ожиданий и собственного психоэмоционального истощения. В связи с этим молодое поколение Китая стало позиционировать себя, как молодёжь, которая стремится уподобиться Будде (*label themselves as Buddha-like youth*) и в своих запросах повседневно жить «буддийской жизнью» созерцания. При этом была заявлена *коммуникативная стратегия любви фоси* как сострадательная «буддийская любовь» в

¹ 佛系青年 *Buddha-like youth* [Электронный ресурс] // ChinaDaily: [сайт]. URL: https://language.chinadaily.com.cn/2018-02/01/content_35624921.htm (дата обращения: 26.01.2024).

² Там же.

варианте Гуаньинь (кит.: 觀音 / guānyīn в значении «воспринимающий звук, плачущий»), или в варианте Гуаншин (кит.: 觀世音 / guānshìyīn со значением «тот, кто воспринимает стенания мира»), где полисемия *лок* может выражать и глагол «смотреть», и существительное «мир» (санскрит *лока*; кит.: 世; пиньинь: *ши*), т. е. как полное принятие воплощения своей лучшей половины [31].

Воплощением идеала этой молодёжной субкультуры стал российский парень Владислав Иванов, известный в Китае под именем Лелуш, о судьбе которого переживали последователи направления фоси, требуя от руководства шоу отпустить Лелуша домой¹. И хотя в китайских СМИ Лелуш позиционируется как лентяй и символ поколения *фоси*, но этого героя сложно отнести к таковым, поскольку молодой человек знает не просто несколько языков, но также владеет диалектами этих языков (будь то китайский, или японский, или английский), также к тому моменту состоялся, как переводчик и модель международного уровня, а после ухода из шоу Лелуш открыл свою линейку одежды в Европе, как он и мечтал. В призыве «Молодёжи, подобной Будде» указывается, что требование к своему партнёру проделать какие-либо изменения с собой разрушает хрупкий психоэмоциональный внутренний мир близкого человека и мир любовных отношений, поэтому никогда не нужно просить партнёра измениться в угоду тебе (*never force your better half to make changes*), а следовать своему сердцу и меняться самому [31].

Китайская традиция «сохранения лица» в публичном пространстве выстроила программу внутреннего контроля собственного поведения, чувств и эмоций, делая акцент на позитивных сторонах жизни, что не всегда правильно

но понимается носителями других этнокультур, в связи с чем подвергается вербальной дискриминации. В русской культуре наоборот ценится эмоциональное восприятие и яркое выражение эмоций [32], что может восприниматься как несдержанность представителями восточных культур [33; 34]. Если китайцы стремятся в процессе коммуникации с другими людьми создать условия для взаимной выгоды 双赢, то для представителя русской культуры само общение уже представляет ценность, а поиск выгоды через общение осуждается в традиционной русской культуре, которая высоко ценит бескорыстие, щедрость и широту души.

Целенаправленная пропагандистская работа по продвижению девиаций и различных форм насилия (от психологического, словесного до физического) в обновлённых условиях современной нейролингвокогнитивной информационной войны приводит к появлению неосознаваемых акторов, использующих девиантный шок-контент, что способствует воспроизводству девиации без дополнительных усилий со стороны в средствах массовой информации. СМИ, прежде всего интернет-каналы и телевидение, в погоне за увеличением просмотров своих материалов, часто используют «чёрную риторику» [35], выступая как источники речеповеденческой агрессии.

Распространению вербальной агрессии способствует растущая и поощряемая в отдельных стратах общества популярность некоторых жанров литературы и кинематографа с притягательными моделями речевого поведения агрессивных персонажей (типаж обаятельного преступника, очаровательного «плохиша») и набором словесных клише (например, таков киногерой уличный бандит по прозвищу «Шестой брат» / 六哥 / *liùgē* в фильме 老炮儿 / *lǎopàoér* / **Старая пушка**), которые ранее не были распространены в китайском кинематографе [29]; компьютерные игры [36] и музыка

¹ Как лентяй из России покорил Китай: кто такой красавчик Лелуш и почему в него влюблена вся Поднебесная // Eva.Ru : блог на Dzen.ru. URL: https://dzen.ru/a/Y0FTziv6rx4G6i_w (дата обращения: 26.01.2024).

агрессивной направленности [37]; будирование нездорового интереса к подробностям особо жестоких преступлений в прессе и т. п. (например: *«Храм Ясукуни является символом агрессии японского милитаризма»*¹; *«Ученый УБИЛ аспирантку в Петербурге. Ученый-убийца: темное прошлое Олега Соколова»*²; *Доцент, которому всё сходило с рук*³).

Сами социальные предпосылки, постоянно воспроизводя вербальную агрессию, становятся источником для коммуникативных причин проявления этого феномена, среди которых важной является следующая **триада провокаторов агрессии**:

1. Культ «грубого языка» с доминированием инвективов, обсценизмов, жаргонизмов, экспрессивов, сленга и просторечия как манипулятивный приём демонстрации близости к народу с имплицитным посылом поощрения агрессивного поведения [10]. При этом в китайской традиционной философии подчёркивается опасность десяти неблагих деяний, соотносимых с деяниями тела, мысли (мозга / интеллекта) и речи (сердца / чувства). Так, к порицаемым деяниям речи китайцы относят такие речевые поступки, как ложь, пустословие, злословие и сквернословие. В связи с чем выработалась социально поощряемая практика умолчания и/или игнорирования грубой, провокативной, фамиллярной речи, в то же время в российских СМИ провокативы, жаргонизмы, экспрессивы, агрессивы стали преваляро-

вать над стандартами написания публичного материала [38]. Китайская культура, базирующаяся на постулатах конфуцианства, строго регламентирует правила общения в самых разнообразных ситуациях [13].

2. Влияние социально-генетического коммуникативного стереотипа родительского сценария с воспроизводством коммуникативных пугнических установок родителей, настраивающих своих детей к постоянной борьбе за «место под солнцем», что находит своё выражение в вербальных шаблонах, типа: *«жалеют только слабых, а зависть надо зарабатывать»*; *«завидуют только сильным»*; *«прогни мир под себя»*; *«всегда давай сдачи»*; *«слабых убивают, сильные побеждают»*; *«не мытьём, так катаньем»*; *«нас бьют – мы летаем»*; *«а кому сейчас легко?»*; *«возьми себя в руки и не ной, как девчонка»*; *«мы – волки, и нас меньше, чем собак»*; *«если не ты, то кто же...»*; *«если драка неизбежна, надо бить первым»* и т. п. В этом случае, как правило, речь идёт о вербальной агрессии как форме коммуникативного насилия, а не физической агрессии как таковой с формированием коммуникативного сценария агрессивной языковой среды, при этом обнаруживается коммуникативная десенсибилизация к агрессивным компонентам окружающей среды и лакунарность в овладении другими коммуникативными умениями и навыками в плане выражения эмпатии, сопереживания, сострадания, сочувствия, помощи и поддержки. Вместе с тем такие сценарные установки находят понимание в жёстких видах спорта. Однако сама речь спортсменов, зачастую выступающих в роли публичных персон, демонстрирует истощение речевого аппарата и навыков коммуникации. В этом плане наиболее типичным примером является фигура В. Кличко, бывшего спортсмена-боксёра, чья речь демонстрирует признаки нейрорепсихологических и лингвисти-

¹ Храм Ясукуни является символом агрессии японского милитаризма – МИД КНР [Электронный ресурс] // ИА Красная Весна : [сайт]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/35a3701b> (дата обращения: 26.01.2024).

² Ученый-убийца: темное прошлое Олега Соколова [Электронный ресурс] // НТВ : [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/cards/3841?ysclid=llfsxsj3en295168550> (дата обращения: 26.01.2024).

³ Доцент, который подставил всех. Почему до убийства ему всё сходило с рук [Электронный ресурс] // Life : [сайт]. URL: <https://life.ru/p/1254311?ysclid=llft1er7au256174507> (дата обращения: 26.01.2024)

ческих проблем, превратив когда-то известного спортсмена в персонажа мемов.

Однако сама меметика тоже не столь однозначна в плане соотносённости с мягким, но пролонгированным разрушительным воздействием. Агрессия в меметике носит завуалированный, имплицитный характер, позволяя использовать мемы в современной информационной войне нового типа [39], когда разрушительное воздействие мема проходит достаточно незаметно, поскольку по словам разработчиков «меметических войн», сам «принцип меметической войны состоит в том, чтобы вытеснить или, иными словами, “перезаписать” опасные патогенные мемы на более “доброкачественные”, чтобы количество последних было больше... Следующим шагом будет использование различных трюков, направленных на повышение разнообразия упаковки и репликации мемов, – с тем чтобы сделать сообщения как можно более привлекательными для аудитории. Успешной при этом можно считать такую упаковку мема, которая включает ключевые элементы, резонирующие с человеческой психикой, чаще всего на очень примитивном уровне» [40, р. 43].

Для китайской аудитории «мемная война» представляет большую опасность превращения любой серьёзной информации в карнавальную через призму осмеяния в связи со спецификой характера репрезентации смыслов в китайской письменности. Как указывают исследователи, в китайском сегменте интернет-пространства темами мемов становятся провокативные и/или социально значимые проблемы [41].

Мем, представленный на рис. 5, имеет буквальное значение «хочешь молот – получишь молот». С одной стороны, мем подчёркивает, что не надо упорствовать в доказательной базе. А с другой стороны – указывает на проблемы домашнего насилия, психологического давления, семейных измен, тирании и абьюзерства. Эти темы не являются широко обсужда-

емыми, но благодаря использованию мемов стали выноситься на всеобщее обозрение. Сам мем появился в результате разрыва между китайским поп-певцом Джокером Сюэ и известной фотомоделлю Ли Юйтун, получившего не просто огласку после публикации девушки в своем Weibo, но и приобретшего размах обширного публичного скандала. Бывшая девушка певца написала о жёстком психологическом прессинге со стороны Джокера по поводу её беременности и принуждении к аборту на большом сроке, что стало причиной длительной депрессии фотомодели. Следящие за жизнью кумиров фанаты не могли поверить в такое беспринципное поведение своего любимца, находящегося тогда в браке, поэтому начали хэйтить Ли Юйтун с требованием предъявления доказательств. Не выдержав давления, девушка выложила на всеобщее обозрение неопровержимые доказательства, доказывающих правдивость её слов. Тяжесть обвинений была подобна молоту, а фанатам прилетело целых три «молота», в результате чего рассыпался иллюзорный образ поп-исполнителя, который оказался психопатичным нарциссом с тираническими

Рис. 5 / Fig. 5. За что боролся, на то и напорлся | 求锤得锤 | Qiú chuí dé chuí = Хочешь молот? Получишь // What you fought for is what you ran into | 求锤得锤 | Qiú chuí dé chuí = Do you want a hammer? You will receive it

Источник: 搜狐

замашками¹, это подняло проблему домашнего насилия, которая стала выносятся на всеобщее обозрение для усиления надзора по решению дел о домашних агрессорах на официальном уровне². Китайская платформа «Наблюдатель за правосудием» использует 21 мировой язык, включая русский, чтобы продемонстрировать общественно-экспертный надзор в решении конфликтогенных тем в китайском обществе.

В Китае издавна используется превентивная система, позволяющая смягчить и/или предупредить развитие нежелательных качеств. Например, для китайского общества особый вес имеет догмат *сыновней почтительности* [42], который искренне поддерживается в Китае несмотря на то, что этот принцип был принят ещё в эпоху расцвета учения Конфуция. Каноны сыновней почтительности, братской добродетели используют такую важную мотивацию в структуре личности, как «стремление к похвале», при этом социально-психологический инжиниринг регулирует саму чувствительность к социально-эмоциональным эффектам похвалы.

3. Трансформация речеповеденческого стандарта личности под влиянием приоритета предъявления негативных фактов и «чёрного пиара» в массмедийном пространстве как социально одобряемого поведения, что меняет выбор вербальных стратегий человека без изначальной склонности в сторону прямой и вуалированной агрессии как демонстрации правоты и внутренней силы, свойственной протестам подросткового возраста при формировании допустимых

границ в оппозиции «свой – чужой». В связи с этим формируется защитный речеповеденческий механизм, использующий стратегии вербальной атаки в виде нападок, унижения, хейта, буллинга в публичном пространстве.

Заключение

Агрессия представляет собой уникальный феномен, аккумулирующий в себе биологические, психофизиологические, социальные, этнокультурные и лингвистические маркеры, обозначающие крайнюю степень проявления негативных эмоций по отношению к кому-либо или чему-либо. Сложная организация агрессии как регулятивного механизма человеческой психики в понимании собственных и чужих границ и определении психологического и физиологического комфорта/дискомфорта с древности вызывала интерес у человека, подвергаясь разного рода стигматизации и мистификациям, что послужило основой для выработки этносоциокультурных норм в понимании агрессии в странах Востока и Запада. Китайские власти, оценив масштабы воздействия слова в интернет-пространстве, ввели уголовную ответственность за проявления вербальной агрессии. Аналогичная статья есть и в российском законодательстве, однако из-за сложности доказательных процедур процессы по таким делам единичны. Вследствие изначально негативного коннотата термина «агрессия» в китайской научной среде используется термин «вербальная дискриминация». Исследования агрессии занимаются исследователи социально-гуманитарных и естественных наук, выводя в параллель специфические маркеры агрессии, которые оказывают поддерживающее влияние для реализации этой реакции. Осмысление самого феномена агрессии долгое время шло через теории «животного» начала в человеке, подвергшись социальной стигматизации.

¹ 15 китайских интернет-мемов 2017 года // Магазета. Китай и китайский язык: блог на Dzen.ru. URL: https://dzen.ru/a/W1BUpkj1XnXrlru?utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 26.01.2024).

² Как Китай реализует закон о борьбе с домашним насилием? [Электронный ресурс] // Наблюдатель за правосудием Китая: [сайт]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/how-china-implements-law-against-domestic-violence> (дата обращения: 26.01.2024).

ЛИТЕРАТУРА

1. Fu W., Tang W., Zhang L. Measuring left-behind children's discrimination perception in China: the development of discrimination perceptions of left-behind children Scale // *Medicine and Clinical Science*. 2022. Vol. 4. Iss. 4. P. 25–33. DOI: 10.33425/2690-5191.1066.
2. Bryant F. B., Smith B. D. Refining the Architecture of Aggression: A Measurement Model for the Buss–Perry Aggression Questionnaire // *Journal of Research in Personality*. 2001. Vol. 35. Iss. 2. P. 138–167. DOI: <https://doi.org/10.1006/jrpe.2000.2302>.
3. Li Y., Xie H., Shi J. Chinese and American children's perceptions of popularity determinants: Cultural differences and behavioral correlates // *International Journal of Behavioral Development*. 2012. Vol. 36. Iss. 6. P. 420–429. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025412446393>.
4. Maxwell J. P. Psychometric properties of a Chinese version of the Buss–Warren Aggression Questionnaire // *Personality and Individual Differences*. 2008. Vol. 44. Iss. 4. P. 943–953. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2007.10.037>.
5. Попова А. А. Речевая агрессия в СМИ как способ манипулирования сознанием человека // *Молодой ученый*. 2015. № 14 (94). С. 697–700.
6. Сеницын М. В., Карабулатова И. С., Катцина Т. А., Саутиева Ф. Б., Каримова К. К. Конфликтность темы армянских и греческих беженцев в дискурсе СМИ периода Первой мировой войны на дореволюционном этапе // *Вопросы истории*. 2022. № 10 (2). С. 88–99. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202210Staty52.
7. Barabash V. V., Kotelenets E. A., Karabulatova I. S., Lavrentyeva M. Y., Mitina Yu. S. The confrontation between the Eastern and Western worldviews in the conceptual space of the information war against Russia: the genesis and evolution of the terminological apparatus // *Amazonia investiga*. 2019. Vol. 8. Núm. 19. P. 246–254.
8. Crist E. A., Clark/Keefe K. A Critical Phenomenology of Whiteness in Academic Libraries // *The Journal of Academic Librarianship*. 2022. Vol. 48. Iss. 4. P. 102557. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.acalib.2022.102557> (дата обращения: 26.01.2024).
9. Karabulatova I. Possibilities of artificial intelligence in assessing the impact of potentially dangerous texts in modern news discourse: problem of statement // *SHS Web of Conferences*. 2020. Vol. 88: International Scientific Forum “Issues of Modern Linguistics and the Study of Foreign Languages in the Era of Artificial Intelligence (dedicated to World Science Day for Peace and Development)” (LLT Forum 2020). Article 01001. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208801001> (дата обращения: 26.01.2024).
10. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира; 2 изд. М.: Ладомир, 2001. 356 с.
11. Zhang M., Liu H., Zhang Yu. Adolescent Social Networks and Physical, Verbal, and Indirect Aggression in China: The Moderating Role of Gender // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Article 658. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00658> (дата обращения: 26.01.2024).
12. Yang F., Jin Z., He J., Han B., Huang X., Chen K., Wang J. Aggressive behaviors and associated factors in Chinese left-behind adolescents: a cross-sectional study // *BMC Pediatrics*. 2022. Vol. 22. Article number: 677. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12887-022-03736-x> (дата обращения: 26.01.2024).
13. Ван Ш., Цю С., Золотых Л. Г. Трансляция традиционной китайской культуры в философию новой эпохи // *Идеи и идеалы*. 2022. Т. 14. № 3-1. С. 40–54. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-40-54.
14. Карабулатова И. С., Копнина Г. А. Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти // *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 3. С. 319–335. DOI: 10.21638/spbu22.2023.303.
15. Попова А. А. Речевая агрессия студенческой молодёжи: репрезентативные функции в контексте стереотипов массового коммуникативного поведения: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2021. 27 с.
16. Bodrunova S. S., Litvinenko A., Blekanov I., Nepiyushchikh D. Constructive Aggression? Multiple Roles of Aggressive Content in Political Discourse on Russian YouTube // *Media and Communication*. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 181–194. DOI: 10.17645/mac.v9i1.3469.
17. Zhang L., Karabulatova I., Nurmukhametov A., Lagutkina M. Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding

- the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2023. Vol. 52. P. 1571–1587. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z>.
18. Левоневский Д. К., Савельев А. И. Подход и архитектура для систематизации и выявления признаков агрессии в русскоязычном текстовом контенте // *Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика*. 2021. № 54. С. 56–64. DOI: 10.17223/19988605/54/7.
 19. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: доминантный подход: монография. М.: РУСАЙНС, 2022. 178 с.
 20. Ахренова Н. А., Зарипов Р. И. Структурные особенности новостного текста в интернет-дискурсе // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. № 3. С. 87–98. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-6.
 21. Никитин М. Ю., Карабулатова И. С., Пахоменкова О. М. Маркеры лингвоконфликтности современного массмедийного дискурса России в эпоху постправды // *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. 2022. № 2. С. 110–116. DOI: 10.18137/RNU.V925X.22.02.P110.
 22. Ruan Yu., Karabulatova I. S. The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917) // *Bylye Gody*. 2021. No. 16 (3). P. 1501–1510 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bg.cherkasgu.press/ru/archive.html?number=2021-09-01-16:39:54&journal=67> (дата обращения: 26.01.2024). DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501.
 23. Renfrew J. W. *Aggression and its causes: A biopsychological approach*. New York: Oxford University Press, 1996. 292 p.
 24. Фетисова Т. А. Агрессивное поведение в Интернет-коммуникации. Обзор // *Вестник культурологии*. 2018. № 4 (87). С. 185–197.
 25. Комалова Л. Р. Язык вражды в публичном дискурсе Интернета // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание*. 2021. № 2. С. 92–118. DOI: 10.31249/ling/2021.02.05.
 26. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 397 с.
 27. Хабаров А. А. Этнокогнитивные основы информационно-психологического воздействия в коммуникативной динамике дискурса: автореф. дисс. ... докт. филол. М., 2023. 46 с.
 28. Kussepova G. T., Karabulatova I. S., Kenzhigozhina K. S., Bakhus A. O., Vorontsov K. V. Verification of communicative types in the judicial public space of media discourse in the USA, Kazakhstan and Russia as a psycholinguistic marker of fact-checking // *Amazonia Investiga*. 2023. Vol. 12. Iss. 61. P. 131–144. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2023.61.01.14>.
 29. Qin M., Karabulatova I. S., Ruan J. Chapter Nine. The Cinematographic and Newspaper Discourse of Harbin in the Early Twentieth Century: Reflection of the Feeling of the Loss of the Homeland of the Russian Elite in the Chinese Provinces // *The Paris Peace Conference and Its Consequences in Early-1920s Europe* / ed. by S. Arhire, T. Roşu and C. Anghel. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2023. P. 157–190.
 30. Karabulatova I. S., Anumyan K. S., Korovina S. G., Krivenko G. A. Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 818–840. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840>.
 31. Поповцев Д. В. Будхисаттва Авалокитешвара: история формирования и развития махаянского культа. Санкт-Петербург: Евразия, 2012. 491с.
 32. Бочкарев А. Е. О чувствах и эмоциях в русской языковой картине мира // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2017. Т. 9. № 1. С. 5–14. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-1-5-14.
 33. Гончарова Ю. Л. Слова-названия эмоций в когнитивном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 20 с.
 34. Шаклеин В. М., Ливэй Цуй, Микова С. С. Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», 2017. 170 с.
 35. Бредемайер К. Черная риторика: власть и магия слова / перевод с немецкого: Е. Жевага, И. Ульянова. М.: Альпина Пабlishер, 2020. 254 с.

36. Olson C. K., Kutner L. Viewpoints and Flashpoints in the Study of Video Game Violence and Aggression // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 13–28.
37. Михайлова А. И. Средства выражения речевой агрессии в русскоязычном песенном дискурсе: прагматический, этический, лингвopsихологический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2018. 25 с.
38. Положенкова Е. Ю., Нотченко С. В. Феномен сквернословия: взгляд религии и науки // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 865–869.
39. Шомова С. А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5 (153). С. 250–269. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.12>
40. Hancock B. J. Memetic Warfare: The Future of War // Military Intelligence Professional Bulletin. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 41–46. URL: https://fas.org/irp/agency/army/mipb/2010_02.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
41. Аликберова А. Р. Интернет-мемы в китайском медиапространстве как отражение современной действительности // Казанский лингвистический журнал. 2019. Т. 2. № 2. С. 31–41.
42. Сидорович С. В. Некоторые аспекты добродетели в эпоху Юань // Ориенталистика. 2022. Т. 5. № 1. С. 35–55. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-035-055>.

REFERENCES

1. Fu, W., Tang, W. & Zhang, L. (2022). Measuring left-behind children's discrimination perception in China: the development of discrimination perceptions of left-behind children Scale. In: *Medicine and Clinical Science*, 4 (4), 25–33. DOI: 10.33425/2690-5191.1066.
2. Bryant, F. B. & Smith, B. D. (2001). Refining the Architecture of Aggression: A Measurement Model for the Buss–Perry Aggression Questionnaire. In: *Journal of Research in Personality*, 35 (2), 138–167. DOI: <https://doi.org/10.1006/jrpe.2000.2302>.
3. Li, Y., Xie, H. & Shi, J. (2012). Chinese and American children's perceptions of popularity determinants: Cultural differences and behavioral correlates. In: *International Journal of Behavioral Development*, 36 (6), 420–429. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025412446393>.
4. Maxwell, J. P. (2008). Psychometric properties of a Chinese version of the Buss–Warren Aggression Questionnaire. In: *Personality and Individual Differences*, 44 (4), 943–953. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2007.10.037>.
5. Popova, A. A. (2015). Speech aggression in the media as a way of manipulating human consciousness. In: *Young scientist*, 14 (94), 697–700 (in Russ.).
6. Sinitsyn, M. V., Karabulatova, I. S., Katsina, T. A., Sautieva, F. B. & Karimova, K. K. (2022). Conflictogenicity of the topic of Armenian and Greek refugees in the media discourse of the world war i period at the pre-revolutionary stage. In: *Questions of history*, 10 (2), 88–99. DOI: 10.31166/VoprosyIstori-i202210Statyi52 (in Russ.).
7. Barabash, V. V., Kotelenets, E. A., Karabulatova, I. S., Lavrentyeva, M. Y. & Mitina, Yu. S. (2019). The confrontation between the Eastern and Western worldviews in the conceptual space of the information war against Russia: the genesis and evolution of the terminological apparatus. In: *Amazonia in-vestiga*, 8 (19), 246–254.
8. Crist, E. A. & Clark/Keefe, K. (2022). A Critical Phenomenology of Whiteness in Academic Libraries. In: *The Journal of Academic Librarianship*, 48 (4), 102557. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.acalib.2022.102557> (accessed: 26.01.2024).
9. Karabulatova, I. (2020). Possibilities of artificial intelligence in assessing the impact of potentially dangerous texts in modern news discourse: problem of statement. In: *SHS Web of Conferences. Vol. 88: International Scientific Forum "Issues of Modern Linguistics and the Study of Foreign Languages in the Era of Artificial Intelligence (dedicated to World Science Day for Peace and Development)" (LLT Forum 2020)*, article 01001. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208801001> (accessed: 26.01.2024).
10. Zhelvis, V. I. (2001). *Battlefield: foul language as a social problem in the languages and cultures of the world*. Moscow: Lodomir publ. (in Russ.).
11. Zhang, M., Liu, H. & Zhang Yu. (2020). Adolescent Social Networks and Physical, Verbal, and Indirect Aggression in China: The Moderating Role of Gender. In: *Frontiers in Psychology*, 11, article 658. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00658> (accessed: 26.01.2024).

12. Yang, F., Jin, Z., He, J., Han, B., Huang, X., Chen, K. & Wang J. (2022). Aggressive behaviors and associated factors in Chinese left-behind adolescents: a cross-sectional study. In: *BMC Pediatrics*, 22, article number: 677. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12887-022-03736-x> (accessed: 26.01.2024).
13. Wang, Sh., Qiu, X. & Zolotykh, L. G. (2022). Traditional Chinese culture transition into the philosophy of the “New era”. In: *Ideas and ideals*, 14 (3-1), 40–54. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-40-54 (in Russ.).
14. Karabulatova, I. S. & Kopnina, G. A. (2023). Specificity of linguistic parameterization of destructive mass media text with devaluation of historical memory. In: *Media Linguistics*, 10 (3), 319–335. DOI: 10.21638/spbu22.2023.303 (in Russ.).
15. Popova, A. A. (2021). *Speech aggression of student youth: representative functions in the context of stereotypes of mass communicative behavior* [dissertation]. Maykop (in Russ.).
16. Bodrunova, S. S., Litvinenko, A., Blekanov, I. & Nepiyushchikh, D. (2021). Constructive Aggression? Multiple Roles of Aggressive Content in Political Discourse on Russian YouTube. In: *Media and Communication*, 9 (1), 181–194. DOI: 10.17645/mac.v9i1.3469.
17. Zhang, L., Karabulatova, I., Nurmukhametov, A. & Lagutkina, M. (2023). Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication. In: *Journal of Psycholinguistic Research*, 52, 1571–1587. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z>.
18. Levonevsky, D. K. & Savelyev, A. I. (2021). Approach and architecture for categorization and reveal of aggression features in russian text content. In: *Tomsk State University Journal of Control and Computer Science*, 54, 56–64. DOI: 10.17223/19988605/54/7 (in Russ.).
19. Akhrenova, N. A. (2022). *Internet linguistics: a dominant approach*. Moscow: RUSAINS publ. (in Russ.).
20. Akhrenova, N. A. & Zaripov, R. I. (2023). Structural features of news text in internet discourse. In: *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 87–98. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-6 (in Russ.).
21. Nikitin, M. Yu., Karabulatova, I. S. & Pakhomenkova, O. M. (2022). Markers of linguo-conflictogenicity of modern mass media discourse in Russia in the post-truth era. In: *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*, 2, 110–116. DOI: 10.18137/RNU.V925X.22.02.P110 (in Russ.).
22. Ruan, Yu. & Karabulatova I. S. (2021). The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). In: *Bylye Gody*, 16 (3), 1501–1510. URL: <https://www.bg.cherkasgu.press/ru/archive.html?number=2021-09-01-16:39:54&journal=67> (accessed: 26.01.2024). DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501.
23. Renfrew, J. W. (1996). *Aggression and its causes: A biopsychological approach*. New York: Oxford University Press.
24. Fetisova, T. A. (2018). Aggressive behavior in Internet communications. Overview. In: *Herald of Cultural Studies*, 4 (87), 185–197 (in Russ.).
25. Komalova, L. R. (2021). Hate speech in the internet public discourse. In: *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics*, 2, 92–118. DOI: 10.31249/ling/2021.02.05 (in Russ.).
26. Shcherbinina, Yu. V. (2012). *Speech aggression. Territory of hostility*. Moscow: Forum (in Russ.).
27. Khabarov, A. A. (2023). *Ethnocognitive foundations of information and psychological influence in the communicative dynamics of discourses* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
28. Kussepova, G. T., Karabulatova, I. S., Kenzhigozhina, K. S., Bakhus, A. O. & Vorontsov, K. V. (2023). Verification of communicative types in the judicial public space of media discourse in the USA, Kazakhstan and Russia as a psycholinguistic marker of fact-checking. In: *Amazonia Investiga*, 12 (61), 131–144. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2023.61.01.14>.
29. Qin, M., Karabulatova, I. S. & Ruan, J. (2023). Chapter Nine. The Cinematographic and Newspaper Discourse of Harbin in the Early Twentieth Century: Reflection of the Feeling of the Loss of the Homeland of the Russian Elite in the Chinese Provinces. In: Arhire, S. Roşu, T. & Anghel, C. (eds.). *The Paris Peace Conference and Its Consequences in Early-1920s Europe*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishin. pp. 157–190.
30. Karabulatova, I. S., Anumyan, K. S., Korovina, S. G. & Krivenko, G. A. (2023). Emotiveme SURPRISE in the News Discourse of Russia, Armenia, Kazakhstan and China. In: *RUDN Journal of Language*

- Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (3), 818–840. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-818-840>.
31. Popovtsev, D. V. (2012). *Bodhisattva Avalokiteshvara: the history of the formation and development of the Mahayana cult*. St. Petersburg: Eurasia publ. (in Russ.).
 32. Bochkarev, A. E. (2017). Feelings and emotions in the Russian linguistic world view. In: *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 9 (1), 5–14. DOI: [10.17072/2037-6681-2017-1-5-14](https://doi.org/10.17072/2037-6681-2017-1-5-14) (in Russ.).
 33. Goncharova, Yu. L. (2003.) *Words-names of emotions in the cognitive aspect* [dissertation]. Rostov-on-Don (in Russ.).
 34. Shaklein, V. M., Liwei, Tsui, & Mikova, S. S. (2017). *Linguistic and cultural images of Russia and China in the works of art of representatives of the Russian Far Eastern emigration*. Voronezh: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Voronezh State Pedagogical University” publ. (in Russ.).
 35. Bredemeier, K. (2020). *Black rhetoric: power and the magic of the word*. Trans. from German: E. Zheva-ga, I. Ulyanova. Moscow: Alpina Publisher (in Russ.).
 36. Olson, C. K. & Kutner, L. (2015). Viewpoints and Flashpoints in the Study of Video Game Violence and Aggression. In: *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12 (1), 13–28.
 37. Mikhailova, A. I. (2018). *Means of expressing verbal aggression in Russian song discourse: pragmatic, ethical, linguopsychological aspects* [dissertation]. Omsk (in Russ.).
 38. Polozhenkova, E. Yu. & Notchenko, S. V. (2016). The phenomenon of foul language: the view of religion and science. In: *Young scientist*, 1 (105), 865–869 (in Russ.).
 39. Shomova, S. A. (2019). The war of memes: new turns in information confrontation. In: *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5 (153), 250–269. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.12> (in Russ.).
 40. Hancock, B. J. (2010). Memetic Warfare: The Future of War. In: *Military Intelligence Professional Bulletin*, 36 (2), 41–46. URL: https://fas.org/irp/agency/army/mipb/2010_02.pdf (available at: 01.03.2022).
 41. Alikberova, A. R. (2019) Internet-memes in Chinese mediasphere as a reflection of modern reality. In: *Kazan Linguistic Journal*, 2 (2), 31–41 (in Russ.).
 42. Sidorovich, S. V. (2022). Some aspects of virtue during the Yuan epoch. In: *Orientalistica*, 5 (1), 35–55. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-035-055> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карабулатова Ирина Советовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий Института русского языка Хэйлунцзянского университета; ведущий научный сотрудник лаборатории «Семантический анализ и машинное обучение» Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры ИУ-5 «Системы обработки информации и управления» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета); профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; ORCID: 0000-0002-4228-3235; e-mail: radogost2000@mail.ru

Чжан Лудань (г. Москва, Россия; г. Муданьцзян, Китайская Народная Республика) – аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; ORCID: 0009-0003-0167-5587; e-mail: 854524203@qq.com

FOR CITATION

Irina S. Karabulatova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Research Center for Digital Humanities, Institute of Russian language, Heilongjiang University; Leading Researcher, Laboratory “Semantic Analysis and Machine Learning”, Institute for Advanced Study of Artificial Intelligence and Intelligent Systems, Lomonosov Moscow State University; Prof., Department IU5 “Information processing and man-

agement systems”, Bauman Moscow State Technical University; Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
ORCID: 0000-0002-4228-3235; e-mail: radogost2000@mail.ru

Zhang Ludan (Moscow, Russia; Mudanzyan, People's Republic of China) – Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

ORCID 0009-0003-0167-5587; e-mail: 854524203@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карабулатова И. С., Чжан Л. Вербальная дискриминация в медиапространстве как отражение осмысления речеповеденческой агрессии: различия в трактовках Востока и Запада // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 2. С. 18–39.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39

FOR CITATION

Karabulatova I. S., Zhang L. Verbal discrimination in the media space as a reflection of understanding of speech and behavioral aggression: differences in interpretations of East and West. In: *Keys of Contemporary Linguistics*, 2024, no. 2, pp. 18–39.

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39